

В другом официальном издании приводятся те же данные: “Потери сов. войск: безвозвратные – ок. 11,3 тыс. чел., санитарные – св. 38 тыс. чел.”³

На фоне всех этих данных вызывает удивление приведенное во второй книге монографии заявление по Пражскому радио 26 апреля 2008 г. историка Я. Шимона, что “при вступлении в Прагу погибли 30 красноармейцев. Всего же потери советских войск в боях за Прагу и окрестности составили примерно 500 солдат и офицеров” (кн. 2, с. 355). Хотелось бы думать, что это опечатки. И что означает – “при вступлении в Прагу”? В разные места шли ожесточенные сражения, никакого единого “вступления” не было.

Вот еще данные, уже не о человеческих жертвах, а о потере техники: в ходе Пражской операции потеряно 373 танка и самоходных артиллерийских установок, тысячи орудий и минометов, 80 боевых самолетов⁴.

Все эти сведения приведены не ради упрека автору монографии. Напротив. Высокая цена рецензируемый труд глубокого исследователя В.В. Марьиной, хочется, чтобы во

³ Военный энциклопедический словарь. Самое полное современное издание. М., 2007, с. 739.

⁴ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993, с. 294.

втором издании книги (а оно, повторяю, очень необходимо) были, по возможности, учтены и эти рекомендации.

Хотелось бы, чтобы читатель книги В.В. Марьиной, кроме “конкретно исторической” оценки деятельности Э. Бенеша, нашел бы и более обширную (общечеловеческую) характеристику этого крупного деятеля не только Чехословакии, но и политика, дипломата, ученого европейского масштаба. Он, пожалуй, более чем кто-либо сделал для Чехословакии, был яркой, но, увы, трагической личностью⁵.

Но это мнение автора данной рецензии, возможно не совпадающее с мнением других. Кстати, и в Праге Бенеша не все однозначно оценивают.

В заключение подчеркнем, что двухтомный труд В.В. Марьиной – это новое, оригинальное прочтение истории советско-чехословацких отношений в 1939–1945 гг.

И.И. Орлик,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института экономики РАН

⁵ См. Орлик И.И. Эдуард Бенеш: годы побед и поражений. – Новая и новейшая история, 2008, № 5, с. 145–161.

THE END OF THE PACIFIC WAR. REAPPRAISALS. Stanford: Stanford University Press, 2007, XVIII, 331 p.
ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ НА ТИХОМ ОКЕАНО: НОВЫЕ ПОДХОДЫ. Стэнфорд, 2007, XVIII, 331 с.

Рассматриваемая коллективная работа издана в “Серии стэнфордских исследований ядерной эпохи” под редакцией американского историка японского происхождения Ц. Хасэгава. Память о войне на Тихом океане, пишет Хасэгава во “Введении”, до сих пор омрачает отношения между Россией, США и Японией. Не могут забыть о японской агрессии и народы Юго-Восточной Азии: попытки по возможности оправдать ее в японских школьных учебниках вызывают бурю протестов со стороны Китая и Южной Кореи. Если 60-летие победы над Германией отмечалось в России представителями 66 наций, то в связи с окончанием войны на Тихом океане в 2005 г. ничего подобного не проводилось (с. 1–2).

Хасэгава отмечает, что в историографии США существуют три направления: “ортодоксы”, “ревизионисты”, “новые ортодоксы”. По мнению “ортодоксов”, американские атомные бомбардировки были оправданны, поскольку вынудили Японию сдаться, что сохранило жизни миллионов американцев и японцев. “Ревизионисты” это отрицают, ибо Япония и так уже была разбита, а атомные бомбардировки имели целью шантаж СССР. Наконец, “новые ортодоксы” отводят решающую роль в окончании войны атомным бомбардировкам, но всё же признают известную роль и за вступлением в нее СССР. При этом споры сводятся в основном к вопросу о применении ядерного оружия. Между тем, важно полнее учитывать сочетание различ-

ных факторов, в частности участие в войне СССР. Нужно также разобраться с тем, как именно это повлияло на решение Японии о капитуляции. “Доступность новых источников в Японии и России позволяет историкам пересмотреть вопрос об окончании войны на Тихом океане в международном контексте, не ограничиваясь узкой американской перспективой” (с. 2–5).

В первой главе Б. Бернстайн рассматривает вопросы историографии (с. 9–64). Он останавливается на позиции сторонников пересмотра традиционных в США взглядов на атомные бомбардировки. У “ревизионистов” нет единой системы взглядов, однако в двух пунктах они сходятся: 1) антисоветские мотивы играли в решении применить ядерное оружие первостепенную или как минимум некоторую роль; 2) бомбардировки почти наверняка не были необходимы, чтобы закончить войну до 1 ноября 1945 г., когда планировалась высадка на Кюсю (с. 20). Особенно много сделал для распространения таких взглядов Г. Алпровиц. По его мнению, успешное испытание ядерного оружия толкнуло Трумэна на отход от рузвельтовской политики в отношении СССР. По мнению историка, Трумэн знал о ненужности атомной бомбы для завершения войны, но хотел повлиять на позицию СССР – это и есть “атомная дипломатия” (с. 21–22). Книги Алпровица имели большой успех и вызвали волну “антиревизионистских” работ – Р. Мэддокса, Р. Ньюмена и других, где на основе изучения новых источников доказывалась огромная роль атомных бомбардировок, однако их аргументы мало повлияли на историографию (с. 26–29). Кроме того, начиная с конца 1980-х годов вышло несколько книг – Э. Бера, Д. Ирокавы, Г. Бикса¹ – об императоре Хирохито (Сёва), в которых доказывалось, что закрепившийся в годы “холодной войны” образ миролюбивого монарха не соответствует истине. Обладая большими возможностями, он ничего не сделал для предотвращения японской агрессии в Китае и на Тихом океане, еще в 1945 г. поговаривал о новом наступлении в Китае, упустил возможность капитулировать в июле того же года и спасти страну от атомной бомбардировки. С. Ладж выступил с возражениями, доказывая, что Хирохито пытался помешать нападению на Пёрл-Харбор, но неудачно. Ладж осудил атомные бомбардировки как неоправданные, но не считает решающим фактором и вступление СССР в войну; в целом его позиция отличается расплывчатостью (с. 39–52).

¹ Книга Г. Бикса переведена на русский язык (см.: Бикс Г. Хирохито и создание современной Японии. М., 2002).

Не обошлось и без историографических курьезов. Р. Пэйп доказывает, что решающую роль в окончании войны сыграла морская блокада, второе место он отвел вступлению СССР в войну, а атомная бомба особого значения не имела (с. 60–62). Ю. Коширо выдвинула еще более странный тезис: по ее мнению, японское руководство нарочно затягивало капитуляцию, желая дожидаться вступления СССР в войну (!), чтобы советское присутствие уравновесило американское влияние по ее окончании (с. 60–62). Хотя в этих работах уточняются некоторые детали и содержится попытка пересмотра устоявшихся мнений, в целом все-таки воспринимать их не приходится.

Во второй главе (с. 65–94) Р. Франк подробно описывает подготовку Японии к “решающей битве”, которая, впрочем, при всей ее масштабности вряд ли остановила бы союзников, и отстаивает тезис о том, что решающую роль в окончании войны на Тихом океане сыграли атомные бомбардировки, ибо именно на них ссылался Хирохито, мотивируя решение о капитуляции. О советском же наступлении он заговорил лишь с 11 августа, чтобы ссылкой на него заставить подчиниться заморских командующих, которые плохо представляли себе эффект ядерного оружия (с. 90–92). Как будет показано ниже, эта точка зрения весьма уязвима.

Промежуточной позиции придерживается автор третьей главы С. Хатано (с. 95–112). Он указывает, что атомные бомбардировки и вступление СССР в войну создало дополнительный “внешний фактор”. Причем действия Красной Армии, в отличие от удара по Хиросиме и Нагасаки, не были для Токио неожиданностью – японский Генеральный штаб уже 30 мая 1945 г. утвердил оперативный план на случай советского наступления, ожидавшегося в августе – сентябре. 5 июля командование Квантунской армии утвердило собственный план, согласно которому ее войска оказывались готовы лишь к концу сентября. В Токио при этом думали, что Советский Союз предъявит Японии ультиматум, потребовав от Японии вывода войск из Азии за исключением Кореи (ситуация, напоминающая канун Великой Отечественной, когда Сталин также ожидал от Гитлера ультиматума²). Реакция Японии зависела бы от состояния ее вооруженных сил. Однако все эти предположения потеряли актуальность после начала операций советских войск в Маньчжурии (с. 96). На императорской конференции бывший премьер-министр К. Хиранума заговорил об опасности

² См.: Вишнёв О.В. Накануне 22 июня 1941 г. Документальные очерки. М., 2001, с. 46–47.

отчуждения народа от императорского дома в случае продолжения войны, и так думал не он один. Адмирал М. Ёнаи назвал атомные бомбардировки и советское наступление “даром небес”, поскольку они позволяли оправдать прекращение войны в глазах военных. Так же полагал и принц Ф. Коноэ. Японское “руководство оказалось перед дилеммой: быстрое прекращение войны могло вызвать восстание в армии, тогда как ее затягивание способствовало бы отчуждению общества от императорской системы”. Между тем в Потсдамской декларации не содержалось гарантий сохранения императорской системы. 11 августа госсекретарь США Д. Бирнс в своей ноте намекнул на возможность ее сохранения. В конце концов, Хирохито объявил о капитуляции. По мнению Хатано, на императорский двор и Высший военный совет повлияли и атомные бомбардировки, и вступление СССР в войну, тогда как на военных, в частности, на Бюро по военным делам, оказал большее воздействие второй из этих факторов. В любом случае в их отсутствие политический процесс в отношении Потсдамской декларации не смог бы сдвинуться с мертвой точки (с. 111–112).

В четвертой главе Ц. Хасэгава полемизирует с С. Асадо и Р. Франком, которые доказывают в своих работах, что ядерные удары сыграли более важную роль в прекращении войны, нежели вступление в нее СССР. Хасэгава же считает, что 1) атомная бомбардировка Нагасаки не оказала серьезного влияния на решение Японии сдаться; 2) из двух факторов – атомных бомбардировок и вступления СССР в войну – второе более воздействовало на решение Японии о капитуляции; 3) несмотря на это, ни атомные бомбардировки, ни вступление СССР в войну не стали “нокаутирующим ударом”, которые окончательно убедили японское руководство в необходимости капитулировать; 4) самой важной, непосредственной причиной этого шага явилось “священное решение” императора прекратить сопротивление, выработанное небольшой группой японской правящей элиты; 5) для этой группы при принятии условий Потсдамской декларации вступление СССР в войну имело большее значение, чем атомные бомбардировки. Кроме того, участие Советского Союза в войне само по себе, без ядерных ударов, могло вынудить Японию сдаться до начала высадки на о. Кюсю, а вот ядерные удары в отсутствие советского наступления этого обеспечить не могли³. Наконец, если бы “Трумэн получил подпись Сталина под Потсдам-

ской декларацией и включил в нее обещание [сохранить] конституционную монархию, как первоначально предлагал военный министр Генри Стимсон, война могла бы закончиться раньше, возможно, без применения атомного оружия против Японии” (с. 113–114).

Хасэгава отмечает, что «Хирохито руководствовался не благородным желанием принести мир человечеству и не искренним стремлением спасти народ и нацию от гибели, как говорилось в императорском эдикте и как хотели бы убедить нас в том творцы мифа о “священном решении”. Более чем что-либо другое, это было чувство самосохранения и глубокое сознание ответственности за сохранение императорской династии» (с. 135). Мнение о ядерных ударах как главном факторе, повлиявшем на позицию Хирохито, автор отводит указанием на вторичный характер единственного источника, на который опираются сторонники подобных взглядов. Это “Дневник тайных операций” М. Такеситы, который не присутствовал на заседаниях императорских конференций и судил о них со слов военного министра К. Анами. Сами участники заседаний о ссылках императора на атомные бомбардировки не сообщают (с. 138–139).

Но почему же на встрече с военными 14 августа и в рескрипте о прекращении войны Хирохито так и не указал на вступление СССР в войну как хотя бы одну из причин капитуляции? И почему в дискуссиях японских политиков в первые дни после начала операций Красной Армии о них не упоминалось? Хасэгава предлагает весьма интересное объяснение: японские политики “не хотели признавать огромную ошибку, которую они совершили, добиваясь посредничества Москвы. И теперь, когда на карту была поставлена судьба императора и императорского дома, они хотели, чтобы эти вопросы решали скорее Соединенные Штаты, нежели Советский Союз” (с. 137). Это, заметим, напоминает, попытку японских верхов “убить молчанием” Потсдамскую декларацию. Молчанием попытались “отомстить” и Советскому Союзу. Что же касается заявлений императора, то Франк, с которым полемизирует Хасэгава, не обратил внимания на обращение Хирохито к солдатам и матросам от 17 августа, в котором тот всё же упомянул о вступлении СССР в войну как одной из причин капитуляции Японии (с. 139). Так что отрицать значение этого фактора на решение Хирохито не приходится.

В пятой главе (с. 145–188) Д. Холловэй в широком контексте рассматривает советско-японскую войну. Вступление СССР в нее означало поражение Японии; поэтому до недавнего времени западные историки мало писали о советско-японской войне. “Тех, кого инте-

³ См. также: *Hasegawa Ts. Racing the Enemy. Stalin, Truman, and the Surrender of Japan.* Cambridge (Mass.) – London, 2005, p. 294–298.

ресовала война на Тихом океане, отвлекали от роли СССР атомные бомбардировки, а для тех, кто писал о Советском Союзе во Второй мировой войне, советско-японская война была немногим более чем постскриптумом к титанической борьбе в Европе". Ситуация стала меняться сравнительно недавно, и в этом отношении автор особо отмечает труды Хасэгава (с. 145–147).

Холловзю интересует, почему СССР вступил в войну и как повлияли на его политику атомные бомбардировки. "Стратегические цели Сталина состояли в том, чтобы устранить Японию с международной арены как великую державу и обеспечить территориальные приращения, которые усилили бы советские позиции на Дальнем Востоке" (с. 164). Но требовалось ли для этого братья за оружие? Еще в 1944 г. заместители наркома иностранных дел И.М. Майский, С.А. Лозовский и отчасти советский посол в Токио Я.А. Малик предлагали воздержаться от конфликта с Японией, так как добиться своих целей на Дальнем Востоке СССР мог, по их мнению, и мирным путем. Однако, судя по архивным документам (с. 164 и 278, прим. 87), Сталин опасался сепаратного соглашения США и Великобритании с Японией в ущерб советским интересам (подобные предложения звучали в англо-американской печати), а участие в войне гарантировало его от такого оборота событий. При этом ему следовало проявлять осторожность в отношениях с Токио, когда тот стал искать советского посредничества: отказ мог толкнуть Японию на преждевременный выход из войны, а принятие ее предложений поставило бы под угрозу Ялтинские соглашения (с. 164). Холловзю допускает, что возражения Сталина против Потсдамской декларации могли быть обусловлены его намерением предъявить Японии ультиматум, к которому присоединились бы союзники, и в случае его принятия СССР добился бы не только выполнения Ялтинских соглашений, но и собственной зоны оккупации на Японских островах. Как показывает публикация В.П. Сафронова 2001 г., существовал альтернативный советский проект ультиматума, более жесткий, чем Потсдамская декларация (с. 173–174).

Холловзю согласен с Хасэгавой, по мнению которого Сталин считал возможным немедленную капитуляцию Японии после бомбардировки Хиросимы и потому поспешил вступить в войну на два дня раньше срока. Красная Армия добилась стратегической внезапности и разгромила противника. Советский Союз серьезно укрепил свои позиции на Дальнем Востоке (в том числе и благодаря уступкам со стороны Чан Кайши). Однако успех его был частичным, причиной чего стало отсутствие у

него ядерного оружия, которым уже обладали США (с. 176–188).

В шестой главе (с. 189–227) Хасэгава предлагает свое видение проблемы "советского фактора" в окончании войны на Тихом океане. Автор отмечает, что перед Сталиным стояли непростые задачи: сохранять в секрете от Японии свои планы на Дальнем Востоке; избегать обострения в отношениях с США после смерти Рузвельта; оправдать свое вступление в войну в условиях действия пакта о нейтралитете; добиться согласия Китая на решения Ялтинской конференции, которые лишали его суверенитета над Монголией (с. 189–191). Тем временем бывший японский премьер К. Хирога начал зондировать почву для переговоров с СССР. Малик предлагал прояснить позицию Токио, а Хирога заявлял, что Япония готова обсуждать любые советские предложения. В итоге всё кончилось ничем, что в тех условиях означало серьезный провал японской дипломатии (с. 207–208) (впрочем, иного трудно было ожидать). Между тем приехавший в Москву в мае 1945 г. Г. Гопкинс обсуждал со Сталиным вступление СССР в войну, и последний надеялся с помощью этого смягчить по некоторым вопросам позицию США на Потсдамской конференции. Однако ситуация изменилась после успешного испытания ядерного оружия, и Трумэн более не нуждался в помощи СССР так, как раньше. Советскую сторону даже не уведомили заранее о Потсдамской декларации. Когда Молотов предложил американцам обратиться к СССР с просьбой о вступлении в войну против Японии, те ограничились указанием, что такой шаг соответствует положениям Московской декларации 1943 г., а также 103-й и 106-й статьям не вступившего еще в силу Устава ООН (там говорилось, что борьба с агрессором позволяет пренебречь прежними соглашениями с ним). "Трумэн и Бирнс знали, что этих юридических толкований недостаточно, чтобы оправдать нарушение Советским Союзом пакта о нейтралитете, но они не собирались помогать Сталину в этом вопросе своим предложением присоединиться к Потсдамской декларации" (с. 217–218).

Отказ Трумэна предложить СССР вступить в войну представлял собой резкий поворот в отношении Москвы – ведь еще два месяца назад Гопкинс обсуждал участие Советского Союза в борьбе с Японией, началась дорогостоящая подготовка к кампании на Дальнем Востоке, теперь же давалось понять, что во всем этом нет нужды. Такую политику трудно назвать уважением к главному союзнику. Что же до не вступившего в силу Устава ООН, то Хасэгава умалчивает о безоговорочном признании Японией Устава ООН (т.е. с момента его

принятия, а не вступления в силу) при вступлении в эту организацию в 1956 г.⁴ Так что обвинения СССР в нарушении международного права в отношении Японии необоснованны.

А вот в чем с Хасэгавой можно согласиться, так это в том, что Трумэн был не прав, трактуя молчание Токио в отношении Потсдамской декларации как отказ принять ее условия – скорее речь должна идти об отказе принять решение по поводу декларации. А ведь именно вольное толкование позиции Японии стало оправданием для применения ядерного оружия (с. 218).

Трумэн был недоволен вступлением СССР в войну до капитуляции Японии и даже не стал созывать пресс-конференцию по данному поводу (с. 224). Впрочем, это не помешало советской стороне одержать победу и достичь своих целей, чему способствовали катастрофические ошибки японского руководства. “Однако добился ли СССР успеха в конечном счете? Он смог завладеть военными трофеями, которых добивался, но [лишь] ценой длительной вражды японцев, продолжающейся и по сей день” (с. 227). Почему-то Япония не думала об отношении к ней стран, на которые она нападала (всегда без объявления войны) в минувшем веке.

В заключении (с. 228–240) Б. Бернштейн возвращается к отражению событий 1945 г. – уже не только в историографическом плане, но и с точки зрения политологов, теоретиков-международников и др. Для первых важно, какие свидетельства брать за основу, как их толковать, на что обращать особое внимание. Для вторых же, например, – насколько пос-

левоенная оккупация повлияла на характер современной Японии. Автор отмечает некоторые особенности современной историографии проблемы. Одной из них является постановка множества вопросов в духе сослагательного наклонения: а если бы Трумэн в июле 1945 г. гарантировал бы Японии сохранение монархии; а если бы он приказал сбросить атомную бомбу не в начале августа, а на несколько недель позже; а если бы Хирохито не захотел принять в августе решение о капитуляции? Заканчивается книга странным вопросом: как выглядела бы литература о капитуляции Японии и окончании войны на Тихом океане, если бы советские войска смогли проникнуть на Японские острова и оккупировать часть их? Конечно, выглядела бы она иначе, однако в данном случае бесперспективность подобного моделирования несостоявшихся событий очевидна.

В рассматриваемом издании проанализированы различные аспекты событий, связанных с завершением войны на Дальнем Востоке. Не во всем с авторами можно согласиться, однако нельзя не признать, что они проделали немалую работу и притом на высоком уровне, используя публикации на английском, японском и русском языках, привлекая архивные источники; налицо поиск собственных ответов или по крайней мере, новых аргументов в пользу уже высказывавшихся точек зрения. Несомненно, сборник, несмотря на спорность некоторых содержащихся в нем выводов, займет видное место в ряду исследований по истории Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

⁴ Черевко К.Е., Кириченко А.А. Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М., 2006, с. 292.

А.В. Короленков,
кандидат исторических наук,
научный редактор журнала
“Новая и новейшая история”

A. Wolfe. THE FUTURE OF LIBERALISM. New York: A.A. Knopf, 2009, 335 p.
А. Вольфе. БУДУЩЕЕ ЛИБЕРАЛИЗМА. Нью-Йорк, 2009, 335 с.

Автор рецензируемой книги Алан Вольфе – известный либеральный ученый и публицист, профессор, директор Буаси-центра по исследованию религии и американской общественной жизни при Бостонском колледже. За его плечами почти полвека научной и общественно-публицистической деятельности. Им написано более десятка книг и он по праву считается одним из ведущих либеральных

мыслителей США. “Будущее либерализма” закрепляет этот его статус. Новый труд Вольфе вызвал значительный резонанс: опубликовано множество рецензий, его публичное обсуждение прошло в институте Брукинга.

С одной стороны, книга Вольфе интересна тем, что в значительной мере представляет собой плод его многолетних исследований и раздумий, а с другой – как отражение